

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Бисерное колечко

«Public Domain»

1921

Куприн А. И.

Бисерное колечко / А. И. Куприн — «Public Domain», 1921

«Натуральность, но без натурализма. Правда – без реализма. Трогательность – без сентиментальности. Теплота – без пафоса. Светлая грусть – без мировой скорби...»

© Куприн А. И., 1921

© Public Domain, 1921

Александр Иванович Куприн Бисерное колечко

«Теперь твоя очередь, Корделия, самая младшая и самая дорогая дочь наша.

Расскажи: как ты нас любишь?»

«Я люблю вас, сэр!»

«И только?»

«Да, сэр».

Совершенно такую же простой, искренней и прочной любовью давно окружила имя Тэффи русская читающая публика. Ее тонкий, нежный и острый, ее прелестный талант воспринимается радостно и легко, без критической указки, без ярлыков и полочек. Воспринимается всеми, потому что аудитория Тэффи так же необыкновенно широка, как и разнообразна. Воспринимается непринужденно, как должное и необходимое, как одно из скромных чудес природы.

Кажется, я не ошибусь, сказав, что не было ни одной обстоятельной критической статьи, посвященной творчеству Тэффи.

Да и чем могли бы поживиться критики около этого своеобразного и чистого таланта? Тут нет для них ни одной привычной, очередной кормушки. Ни символизма, ни мистики, ни половых проблем, ни обнажения общественных язв, ни скандальных намеков на живых современников, ни очередных проклятых вопросов, ни противоречия идеала автора с действительностью. Ничего лакомого, и ни в какой литературный участок этот талант не зарегистрируешь. Хорошо – и все тут. Но разве это тема для статьи?

Натуральность, но без натурализма. Правда – без реализма. Трогательность – без сентиментальности. Теплота – без пафоса. Светлая грусть – без мировой скорби.

Умная, добрая улыбка, смягченная состраданием. Критику негде «показать свою образованность». Правда, пробовали зачислить Тэффи в ту «юмористическую артель», благодаря которой, по словам Саши Черного,

Кажется, скоро станет тошнить
От самого слова «юмор».

Но свежий, живой и оригинальный талант не уложился в мерочку профессиональных щекотунов. Ее подвижный, ласковый и свободный юмор не цель, а лишь одно из милых, случайных украшений ее творчества.

Да и бог с ними, с критиками! Без их помощи читатели разыскали и полюбили этот талант, а это, может быть, – величайшая гордость для писателя. Право, вероятно, только в этой странной, всегда неправдоподобной России водился такой удивительный, внимательный и благодарный читатель, который сам открывал своего писателя, оставляя критика в хвосте. Так, Москва в несколько дней открыла Андреева после выпуска его первой книги, а о нем еще ни слова не сказали ни «толстые» журналы, ни «серьезные» газеты. Бунина усердно и долго замалчивала передовая критика, потому что в его чудесных молодых рассказах – увьи! – отсутствовали «передовые» идеи, но книги его уже давно покупал и читал неведомый, чуткий и верный читатель. И Чехов гораздо раньше был разыскан и признан публикой, чем удостоился серьезного внимания книжных Мартынов Задек.

Это же большое и несомненное счастье выпало и на долю Тэффи. Вот чему могут завидовать, кто умеет.

Нередко, когда ее хотят похвалить, говорят, что она пишет, как мужчина. По-моему, девяти десятым из пишущих мужчин следовало бы у нее поучиться безукоризненности рус-

ского языка, непринужденности и разнообразию оборотов речи, а также послушности слова, которое не тащит автора, куда оно хочет, и гибко и точно воплощает мысль или рисует картины, которые хотел передать автор в наиболее сжатой и выгодной форме. Я мало знаю русских писателей, у которых стройность, чистота, поворотливость и бережность фразы совмещались бы с таким почти осязаемым отсутствием старанья и поисков слова.

Но Тэффи ничуть и не стыдится, и не скрывает своего пола. Она пишет: «я смотрела, я гуляла», чего, надо сказать, ужасно боялись все другие писательницы, прятая своё женское естество под мужскими псевдонимами. Да и свой псевдоним она взяла из какого-то романа Киплинга, где действует одна непокорная девочка буйного и откровенного характера, по имени Тэффи.

Чем нас пленяет ее новая книжка, особенно в нынешние дни эмигрантской тоски, – так это тем, что вся она глубоко и интимно русская по языку, духу и содержанию. Да, да, именно так все и было у нас раньше, как она рассказывает, были этот простор, и эти милые праздники, и суеверия, и вера, и доброта, и глупость, и сладкая лень, и наша тихая природа, и глупые, мудрые дети, и старушонки, и солдаты, и няньки, и кучера, и фокусники, и студенты – все, что нам так дорого по памяти, с чем от младенческих дней срослись мы душою и что для нас уже не повторится более... никогда!

Излагать своими словами содержание рассказов Тэффи трудно. Все их обаяние – в неуловимой внутренней красоте и теплоте языка, в каком-то тайном, инстинктивном, безошибочном чувстве русской души. Да и как передать рассказ в пять страничек, почти без фабулы?

Доживают во флигеле при старой усадьбе отставная прачка и отставной кучер, да еще хитрая лошадь и обжора-корова. Взят из этой забытой жизни всего только один день: пришла из деревни кучерова родня – двоюродная племянница Марфа; она именинница, пришла поздравиться. И все тут. Кажется, мало?

Но рассказ весь насыщен жизнью. Полюбуйтесь-ка на девку:

«Девка большая, белая, костистая, полоротая. Платье на ней именинное, такого нестерпимого бешено-розового цвета, что даже в синь впадает. День выдался светлый, красный, травка молодая, ядовито-зеленая, небо синее-синее, цветы в траве – желтые, что солнышко – уж на что ярко, но перед девкиным платьем все потускнело и померкло...» Видите вы эту малявинскую девку?.. «Щурится старуха на бешеное девкино платье и понять не может, в чем дело, отчего у нее так в глазах мутно».

Медлительная летняя беседа. Тут и о курах, которые клюют, благословясь, и об именинах, которые положены всякой твари – лошади, и пчеле, и птице, и человеку, и ягоде, и даже земле – она в духов день именинница, когда «зверь понимающий землю ногтем не скребнет, копытом не стукнет, лапой не ударит». Тут и поучение девке: зовя к столу, непременно надо сказать «садитесь, крещеные», а то бабка сказала просто «садитесь», и «полезли всякие невиданные-неслыханные с полатай, с лавок и с подлавочья. Глазищами зыркают. Позвала, мол, так корми».

Девка от страха ежится и косит глазами.

И все позабыли старики... Кучер никак не сообразит, откуда у него во время трехлетней солдатчины взялся сын Петька, которого он в прошлом году женил. Так и не спросил, от кого, а теперь, чать, и сами забыли. А старуха все не вспомнит, в какой день корова именинница.

«Заперли калитку за розовой девкой. День прошел, спать пора. Трудный был день. Сразу и не заснешь, после такого дня. После гостей всегда плохо спится. Чай, да разговоры, да наряды, да суета всякая.

– И когда это корова именинница? Вот не вспомнишь, а не вспомнив, обидишь, попрекнешь, либо что, и грех! Она сказать не может, смолчит. А там наверху ангел заплачет.

Худо старому человеку! Худо!

Ночь за окошком синяя. Напоминает что-то, а что – вспомнить нельзя...»

Таким мягким, грустным аккордом заканчивается этот милый, простой рассказ. И вам становится грустно. И как-то по-детски жалко забытых стариков...

Вот еще один рассказ: про мальчика, который увидел в зоологическом саду тоскующего оленя, и испугался этой колдовской, мучительной тоски, и, наконец, сам заболел ею.

И рассказ про другого мальчика, как-то странно-тоскливо связавшего свою жалостную жизнь с жизнью «неживого зверя», игрушечного барана, который «был весь мягкий, с длинной кроткой мордой и человеческими глазами, пах кислой шерсткой и, если оттянуть ему голову вниз, мычал ласково и настойчиво: «мэ-э»; а тут, рядом, непонятный разрыв между матерью и отцом, и какие-то зловещие бабы с лисьими мордами шепчутся на кухне... и страшные крысы в доме... Волнующий, жуткий рассказ!

Очень хороша старуха нянька. Пришла от исповеди, села в проходной комнате на сундучок, завела разговор с пробежавшей мимо горничной. И тут же погрешила свыше всякой меры: судила и перебрала по косточкам всех. И барыню, которую кучер возил в то место, где шевелющих мужчин на простыне показывают. И барина – «лежебоку и дармоеда». «Как только его мать святая до генерала дотянула? Уж, думается мне, украл он себе чин!» И одну ледащую старушонку в церкви, которая «раньше всех, прости господи, мерзавка, в церкву придет, а позже всех уйдет!». «Стою сегодня на коленях, а сама все на нее смотрю. Ехида ты, думаю, ехида!»

Прекрасны рассказы «Весна», «Пар», «Зеленый праздник», «Ваня Щеголек», «Чертик в баночке», «Сердце», «Лодка», «Лесная идиллия»...

Нет, я употребил неправильный прием, перечисляя рассказы. Надо было с самого начала сказать: всего рассказов в книжке тридцать три. Из них особенное внимание обращают на себя... каждый из тридцати трех. И их необходимо все перечитать. Но не залпом. Этого отнюдь делать не следует!

Я не могу удержаться, чтобы не сказать еще два слова о «Чертике в баночке».

Рассказ ведется от первого лица. Семилетней девочке принесли с базара американского жителя, чертика, танцующего в баночке с водой. В тот же день резинка лопнула, вода вылилась. И вот девочка начинает ухаживать за стеклянным чертом. Черт «некрасивый, худой и пузатый, ножки тоненькие, кривенькие. Хвост крючком, словно к боку присох. А глаза выкатил злые, белые, удивленные».

Черт становится для девочки предметом идолопоклонства. Сердитый взгляд заставляет ее раболепствовать перед чертом.

«Нельзя ему говорить «ты», раз он так недоволен.

Положила ваты в спичечную коробку. Устроила черта.

Прикрыла шелковой тряпочкой. Не держится тряпочка, с живота сползает.

А глаза злые, белые, удивляется, что я бестолковая!

Точно моя вина, что он пузатый.

Положила черта в свою постельку спать на подушечку. Сама пониже легла, всю ночь на кулаке проспала.

Утром смотрю – такой же злой и на меня удивляется.

День был звонкий, солнечный».

Девочка не пошла гулять. Сказала – голова болит, осталась нянчиться с чертом.

«Смотрю в окошко. Идут дети из церкви, что-то говорят, чему-то радуются, о чем-то заботятся.

Прыгает солнце с лужи на лужу, со стеклышка на стеклышко.

Показала черту. Выпучил глаза, удивился, рассердился, ничего не понял, обиделся».

Хотела ему песенку спеть – не посмела. Стала декламировать Пушкина, серьезные стихи. «Люблю тебя, Петра творенье», думала, понравится. «Взглянула: злится, – того гляди, глаза выскочат».

Ночью она думает, что черту тесно – почему она знает? «Слезла тихонько. Не сердись, черт, я буду в спичечной коробке спать.

Разыскала коробочку, легла на пол. Коробочку под бок положила.

– Не сердись, черт, мне так удобно!

Утром меня наказали, и горло у меня болело. Я сидела тихо, низала для него бисерное колечко и плакать боялась.

А он лежал на моей подушечке, как раз посередине, чтобы мягче было, блестел носом на солнце и не одобрял моих поступков.

Я низала для него колечко из самых ярких и красивых бисеринок, какие только могут быть на свете.

Сказала смущенно:

– Это для вас!

Но колечко вышло ни к чему. Лапы у черта были прилеплены к бокам вплотную, и никак кольца на них не напялишь.

– Я люблю вас, черт! – сказала я.

Но он смотрел с таким злобным удивлением:

– Как я смела?»

А вечером девочку уложили в постель и дали лекарства. Начался жар и озноб. Но она хорошо знала, что, когда уйдут взрослые, она найдет чертову баночку, влезет в нее и будет кружиться, кружиться всю бесконечную жизнь.

«Может быть, это ему понравится?»

Это – замечательный рассказ. У автора, несомненно, не было никакой претензии сделать своего стеклянного черта символичным, но вышел сам собою страшный символ... У кого из нас не было такого недоступного черта, требующего идольских жертв и всегда сердитого? Карьера, слава, игра, любовь, наука, искусство, политика...

А о бисерном колечке особо. Такое именно бесхитрое колечко из самых ярких и красивых бисеринок низала Тэффи в своей книге. Многие ли поймут, что каждая бисеринка – небольшой драгоценный камень чистой воды и лучшей шлифовки!